

в словах Софьи Андреевны мне всегда чувствовалась почему-то какая-то правда...

Стремление Толстого-моралиста лишить любовь к женщине духовной основы, свести ее лишь на животное чувство всегда было мне чуждо.

Я с ранней молодости интересовался проблемой гармонического развития духовного и телесного начала в человеке. На университетской скамье меня особенно привлекала теория психофизического монизма, в изложении Фехнера. Под влиянием Льва Николаевича, я склонился к чистому спиритуализму, но первоначальный интерес к проблеме примирения духа и плоти не пропал, и все, что напоминало мне о ней, снова волновало меня.

Я пробовал, раз или два, заговаривать на интересовавшую меня (уже втайне!) тему со Львом Николаевичем, но или я боялся высказаться вполне и он не понимал, чего, собственно, я хочу, или же он так далеко ушел в направлении чисто-духовного понимания жизни и мира, что возбуждаемая мною тема его не интересовала, но только он ни разу не высказался исчерпывающим образом, и ответы его меня не удовлетворяли.

Помню, как однажды на эту же тему Лев Николаевич получил прекрасно написанное, умное и тонкое, письмо от некоего Моргенштерна. Я ждал чего-то необыкновенного от ответа Льва Николаевича на это письмо и потом переписал этот ответ, каков он ни есть, в свою записную книжку.

Вот эти подлинные строки Толстого, не бывшие до сих пор нигде напечатанными:

«Вы говорите, что существо человеческое складывается из духовного и телесного начала. И это со-